

К. ЦУКЕРМАН

ВЕНГРЫ В СТРАНЕ ЛЕВЕДИИ: НОВАЯ ДЕРЖАВА НА ГРАНИЦАХ ВИЗАНТИИ И ХАЗАРИИ ок. 836-889 г.¹

Два источника середины X в., Продолжатель Феофана и трактат "Об управлении империей", довольно подробно и сходно описывают историю основания Саркела, крепости, построенной византийцами для хазар на левом берегу Дона (1, с.162-185: гл. 42; 2, с.122-123). В текстах сообщается о возникших при этом материальных затруднениях и об их успешном преодолении спафарокандидатом Петроной, но игнорируются политические мотивы акции (3, с.190). Мы узнаем лишь, что каган и пех (*bek*) Хазарии обратились к императору Феофилу с просьбой о помощи и что император удовлетворил их просьбу. Причины же, внезапно побудившие хазар и Феофила воздвигнуть крепость на Дону, авторам X в., возможно, уже не были известны.

Современные исследователи сходятся на том, что только общая военная угроза могла вызвать сотрудничество между Византией и Хазарией при строительстве Саркела. Однако, они далеки от единодушия в определении врага, от которого исходила эта угроза. Многие специалисты, в том числе почти все русские историки, видят в этих врагах русских, которые в 30-х годах IX в. якобы начали оспаривать главенство хазар в донских степях. Именно русская угроза, ощущаемая также и византийцами на берегах Черного моря, подтолкнула императора Феофила согласиться на просьбу кагана (4, с.417; 5, с.108-112; 6, с.313; 7, с.401, прим.5). Значительное число венгерских, да и не только венгерских исследователей считает, что укрепление Саркел было возведено против венгров (8, с.27-30; 9, с.69-76; 10, с.61; 11, с.56-62). Наконец, поминают и печенегов, но отсутствие в наши дни ученых печенегов значительно ослабляет эту гипотезу, которая, как следует признать, мало на чем основана².

¹ Данная статья является русским переводом доклада, прочитанного в апреле 1996 г. в Афинах и там же опубликованного: Zuckerman C., *Les Hongrois au pays de Lebedia. Une nouvelle puissance aux confins de Byzance et de la Khazarie ca 836-889* // Oikonomides N. ed., *Byzantium at War*, Athens, 1997. Авторизованный перевод с французского Э.А.Хайрединовой.

Русский текст доклада автор дополнил двумя замечаниями (см. прим. 19 и 31) и приложением. Краткий вариант доклада был представлен по-русски на конференции "Византия и Крым" в июле 1997 г. в Севастополе.

² Продолжатель Феофана указывает, что в его время форт Саркел разделял печенегов и хазар; Иоанн Скилица делает из этого вывод о том, что защита от печенегов была целью сооружения крепости (2, с.122-123; 12, с.73); то же у Кедрин (13, с.130). Эта ошибка компилятора вряд ли заслуживала бы упо-

В предлагаемой здесь работе мы выступаем на стороне венгерской гипотезы. Исходя из эпизода с Саркелом, мы попытаемся определить место и роль венгров на границах Византии и Хазарии в последние две трети IX в. Работа состоит из трех частей. В первой части рассматривается дата проникновения венгров на территорию, которая станет для них "страной Леведией", их первой понтийской родиной, а также локализация последней. Данный вопрос был в общем разрешен уже в прошлом столетии, однако разноречивых мнений, царящих в современных исследованиях, заставляет нас поднять его заново. Вторая часть нашего анализа посвящена изучению отношений между венграми и Хазарией. Классический тезис, согласно которому венгры были союзниками или "вассалами" хазар, требует радикального пересмотра. И, наконец, в третьей части, мы затронем вопрос взаимоотношений между венграми, хазарами и империей на территории, где их интересы сталкивались, а именно в Крыму. Венгерский фактор в истории Крыма никогда толком не рассматривался. Однако, в интересующую нас эпоху он становится определяющим.

1. Оккупация страны Леведии венграми: около 836 г.

В 836 или 837 г. византийцы столкнулись с новым варварским народом. Это было в тот год, когда тысячи пленных из Македонии, поселенных за четверть века до этого ханом Крумом на левом берегу Дуная, решили бежать из Болгарии. Предупрежденный ими император Феофил послал корабли, чтобы вывезти македонян на родину, они же тем временем отбивали попытки преследовавших их болгар переправиться через Дунай. Тогда болгарский военачальник обратился за помощью к народу, которого наш источник, Продолжатель Амартола, называет в пяти строках венграми, гуннами и тюрками. Венгры прибыли к лагерю беженцев, но вместо того, чтобы способствовать болгарам, предпочли обернуть ситуацию в свою пользу. Они предложили византийцам плыть, куда им угодно, но при условии, что те оставят им все, чем владеют. Беглецы отказались, вступили в бой и с помощью Бога и святого Адриана дважды обратили венгров в бегство, после чего они погрузились на корабли (16, с.117-119)³. Следуя логике нашего источника, описанные события должны были происходить в нижнем течении Дуная, в месте, доступном для кораблей имперского флота⁴.

В это же время, с возможной разницей в год или два, в Константинополь прибыло посольство росов. Его история изложена в Анналах монастыря св. Бертина. Франкский хронист указывает, что византийская миссия, принятая императором Людовигом Благочестивым 18 мая 839 г., сопровождалась группой людей,

---

минания, если бы П.Голден не принял сообщение Скилицы за чистую монету и не удревил более чем на полвека появление печенегов в бассейне Дона (14, с.62-63). А.Христофилопулу колеблется между печенегами и русскими при определении врага, угрожавшего понтийской степи (15, с.283).

³ Этот рассказ является частью биографии Василия I, переизданной Д.Моравчиком, который датирует описанное событие 837 годом (16, с.74-75).

⁴ В.Тредгольд размещает македонян на правом берегу Днестра (6, с.290-292). По его мнению они переправились через Днестр и бежали в земли мадьяр, чтобы таким образом избежать ситуации, в которой имперскому флоту пришлось бы действовать на болгарской территории в нарушение византино-болгарского мирного договора, возобновление которого якобы приходилось на 836 г. Это в высшей степени гипотетическое построение приводит автора к датировке интересующего нас эпизода 836 годом.

причислявших себя к народу рос. Они были отправлены их правителем, называемым каганом, к императору Феофилу для установления дружественных связей (*amicitiae... causa, amicitiae petitores*), но та дорога, по которой посланники кагана добирались до Константинополя, оказалась впоследствии перекрытой "народами варварскими и дикими, жестокости великой" (*inter barbaras et nimiae feritatis gentes inmanissimas habuerant*). Феофил просил Людовига способствовать возвращению росов на родину через его землю, но тот обнаружил, что росы - не кто иные как шведы, и арестовал их как шпионов, злоупотребивших доверчивостью Феофила (17, с.30-31: год 839)⁵. Однако, подозрения франкского императора, следствие печального опыта его собственных отношений со скандинавами, нас здесь не интересуют. В данном рассказе следует подчеркнуть два момента.

Отметим прежде всего, что император Феофил, в отличие от западного императора, не ставит под сомнение правдивость русских словес и делает все, чтобы обеспечить их возвращение в лучших условиях. По пути из ставки кагана на северо-западе современной России в Константинополь росы должны были пересечь Хазарию, которая контролировала как низовья Волги и Дона, так и приднепровские степи⁶. Очевидно, хазары не возражали против прохождения посольства через их страну. Ни хазары, ни империя не воспринимали росов как врагов. Сами же росы оказались под угрозой диких варваров, вторгшихся в степь вскоре после прохождения их посольства. Приведенные наблюдения явно выступают против гипотезы о русской угрозе, как причине строительства Саркела.

Второй момент касается датировки русского посольства, которая дает приблизительную дату переворота в степи. Чтобы быть принятой в Ингельгейме на Рейне в мае 839 г., византийская миссия, доставившая росов к Людовику Благочестивому, должна была покинуть Константинополь в 838 г. По прибытии ко двору каролингов, посланники Феофила восславили победы, которые Бог ему недавно даровал (*necnon de victoriis quas adversus exterarum bellando gentes caelitus fuerat assecutus, gratificatio et in Domino exultatio ferebatur; in quibus imperatorem sibi que subiectos amicabiliter Datori victoriarum omnium gratias referre poposcit*). Это славословие явно было вызвано победоносной кампанией лета 837 г.; оно было бы неуместно после разгрома византийской армии летом 838 г. и после падения Амория⁷. Византийская миссия, таким образом, покинула столицу до середины лета⁸. Чтобы быть принятыми Феофилом до его отбытия в поход весной 838 г., русские послы должны были выйти в путь не позже весны 837г. Однако, неизвестно, сколько времени они провели в Константинополе после того, как обнаружили, что их обратный путь отрезан. Византийские посольства к фран-

⁵ Хороший анализ этого эпизода дан Дж.Шепардом (18, с.41-60). К цитируемым автором работам следует добавить исследование Ж.-П.Арриньона (19, с.63-71), выводы которого мы, однако, не разделяем.

⁶ Обзор пунктов, где могла находиться ставка кагана росов, приведен Дж.Шепардом (20, с.29-42). Путь посольства пролегал, вероятно, по Волге, Дону и Черному морю, хотя можно предположить и менее удобный, но более короткий путь: по Оке и Дону или по Днепру.

⁷ Посланники прибыли не с тем, чтобы поздравить императора Людовига "с победами, которые он якобы одержал над инородцами", как полагает Дж.Шепард (18, с.41), а чтобы просить его поблагодарить, в свою очередь, Бога за победы, дарованные Византии.

⁸ Т.С.Лунгис относит отбытие миссии к концу 838 г., после падения Амория (21, с.167). По мнению В.Тредгольда, относящего прием в Ингельгейме к 15 июня, вместо 18 мая, посольство русского кагана могло быть принято Феофилом только "к началу 839 г." (6, с.309).

кам отправлялись далеко не каждый год, и вполне возможно и даже вероятно, что росы находились в Византии с 835 или 836 г. В 836 или в 837 г. византийцы сразились с венграми к северу от Дуная и, надо думать, тогда же русские послы узнали, что дикий и жестокий народ препятствует их возвращению по степи. Что же касается хазарского посольства, прибывшего с ходатайством о помощи Византии в постройке Саркела, то оно было принято императором Феофилом в конце лета 839 г. (6, с.297,313; 22).

М.И.Артамонов, раскопавший Саркел, отметил особенность расположения крепости. Построенная у Дона, она, тем не менее, не контролировала ни сам водный путь, ни волок между Доном и Волгой. Крепость, ориентированная на запад, господствовала над переправой через реку (23, с.299-301)⁹. Росы, однако, не ходили степью, расстилавшейся по правому берегу Дона. В занимающую нас эпоху они передвигались по рекам. Кочевниками, угрожавшими хазарам и тревожившими Византию, могли быть только венгры.

В трактате "Об управлении империей" Константин Багрянородный описывает историю венгров до завоевания ими Великой Моравии (ок. 900 г.). Сначала венгры расположились в стране, названной Леведией по имени их военачальника (ῥῥῶτος βοεβόδος) Леведии. Спустя три года — цифра явно испорчена (1, с.179: гл. 38,1.14)¹⁰ — венгры, все еще руководимые Леведией, были изгнаны печенегами в страну Ателькузу. После нового нападения печенегов последовало массовое переселение венгров в Моравию. Известна дата изгнания венгров с их первой родины: хроника аббата Регинона относит его к 889 году (24, с.131-132)¹¹. Нетрудно локализовать страну Ателькузу (Этель-Кюзю, Этелькез). Согласно Константину, местожительство венгров накануне их второго изгнания "именуется по названию рек, которые там находятся" (καλεῖται κατὰ τὴν ἐλώνυμίαν τῶν ἐκεῖσε ὄντων ποταμῶν), а именно Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днестр), Брут (Прут) и Серет (Серет) (16, с.174: гл. 38,1.66-71)¹². Принятая этимология названия Этель-Кюзю, "страна между реками", соответствует этому объяснению. Несмотря на сомнения некоторых ученых, мы поддерживаем традиционную локализацию страны Ателькузу в "междуречье" северо-западного Причерноморья.

⁹ Автор занимает промежуточную позицию, согласно которой два фактора, "вторжение мадьяр и появление агрессивного русского государства", создали базу для военного сотрудничества между Византией и хазарами (23, с.306).

¹⁰ За означенный период венгры принимали участие "во всех войнах хазар", их вождь Леведия получил в награду жену-хазарку и брак этот оказался бездетным. Какой бы ни была историческая ценность этих указаний, ясно, что логика рассказа предполагает значительно большую длительность событий, чем три года, фигурирующие в тексте; потому и попытки правки (см. ниже).

¹¹ Й.Маркварт датирует первое изгнание венгров печенегами 861-862 гг., связывая это событие со своей интерпретацией данных Повести Временных Лет; в 889 г. венгры лишь возобновляют, по его мнению, свои набеги в бассейне Дуная (8, с.33-35). Однако, эта схема основывается на хронологических указаниях летописи, которые в статьях за IX в. достаточно произвольны. Дату Регинона оспаривает и Д.Дьорффи, считающий, на наш взгляд без оснований, что Регинон описывает окончательное изгнание венгров, которое автор датирует примерно 895 г. (25, с.233-235).

¹² Та же информация повторяется в несколько запутанном, но легко поддающемся объяснению контексте в главе 40 (1, с.176; 1.21-25). В главе 40 название Ἐτὲλ καὶ Κοῦζοῦ дается стране, недавно захваченной печенегами (ἀρτίως οἱ Πατζιναχῖται κατοικοῦσιν), равно как в главе 38 страка, орошаемая пятью реками и названная выше Ἀτελκοῦζου — это та страна, где венгры жили во время второго нападения печенегов (ἐν ᾧ τῷ τότε χαίρων κατὰχῆσαν οἱ Τοῦρκοι).

Что же касается страны Леведии, беглый обзор современных гипотез по поводу ее локализации выявляет их удивительное разнообразие¹³. Л.Варади располагает Леведию между реками Волгой и Уралом (27, с.26)¹⁴. Идеи Й.Маркварта, поместившего Леведию между Кубанью и Доном, вдохновляют историков, ищущих страну венгров внутри хазарского каганата (25, с.111)¹⁵. Е.А.Халикова поддерживает локализацию Леведии к востоку от Дона, но размещает ее севернее - между Доном и его притоком Хопром, на основании находки единичного венгерского погребения в Воронежской области (29, с.41). О.Прицак помещает Леведию западнее - между Доном и Донцом; рискуя шокировать археологов, он отдает венграм лучшие памятники салтовской культуры (30)¹⁶. Л.Бенко ограничивает Леведию бассейном Буга; первое же нападение печенегов, которое он датирует вслед за Марквартом 860 годом, вызывает переселение венгров в район Днестра, к которому сводится у него страна Этелькез (33, с.302)¹⁷. Столь же разительны и хронологические расхождения. Критический аппарат издания Д.Моравчика отмечает, что число лет, проведенных венграми в Леведии - три года в дошедшей до нас рукописи - исправлялось исследователями на 300, 203, 33 или 30, и этот список может быть продолжен (1, с.171, к строке 14).

Не вдаваясь в критику столь разнообразных гипотез, остановимся на данных источников. Согласно традиции, переданной Константину VII его венгерскими информаторами, пребывание их предков в стране Леведии, до изгнания, несло на себе отпечаток личности вождя Леведии. Хоть ему и не приписывается завоевание страны, именно он дал ей свое имя. Можно оспаривать эту версию событий, но трудно утверждать, что число лет, изначально фигурировавшее в сочинении Константина, было 300 или 200. По логике рассказа, пребывание венгров в стране Леведии не превышало продолжительность человеческой жизни. Что же касается локализации страны, то источник дает два важных указания. После изгнания венгров, Леведия стала местом жительства печенегов, которые в ней пребывали и во времена Константина. Восточная же граница Пачинакии хорошо известна: она проходила по нижнему Дону, причем Саркел являлся пограничным пунктом меж-

¹³ Мы сразу отбрасываем идею С.А.Макартни и А.Грегуара, поддержанную М.И.Артамоновым, о тождественности страны Леведии с Ателькузу (23, с.340-341). Как отметил Д.Моравчик, эта точка зрения слишком резко расходится - на чисто гипотетической основе - с данными Константина Багрянородного (26, с.148, прим. 38/26-31 и 38/30).

¹⁴ Автор несправедливо приписывает эту локализацию Константину Багрянородному (27, с.26). Он описывает сложный путь миграции венгров, включающий пребывание на нижнем Днепре (начиная с 30-х годов IX в.?), затем переброску их хазарами в заволжскую Леведию в 875 г. (27, с.24-27, 54) и вытеснение их печенегами обратно в Причерноморье тремя годами позже (27, с.40).

¹⁵ Эта гипотеза, исторически очень спорная, основана на отождествлении реки "Дуба", являющейся границей страны венгров согласно одному из восточных источников (см. ниже), с Куфис-Кубанью (8, с.30-33,51).

¹⁶ Автор отождествляет реку "Дуба" с Донцом и отдает венграм хазарские крепости в верхнем течении Донца и его притоков. Независимо от соображений О.Прицака, основанных на анализе восточных географов, та же локализация фигурирует на карте И.Фодора (31, с.248-249; ср. 32, с.8). Против атрибуции салтовской культуры венграм см. М.И.Артамонова (23, с.344).

¹⁷ Поскольку русла Буга и Днестра сближаются местами менее чем до 100 км, переход из Леведии в Ателькузу представляется в этой концепции не столь уж большим потрясением. Локализация Леведии на западе Понта заставляет автора релятивизировать указание Константина о соседстве этой страны с Хазарией.

ду этой страной и Хазарией (1, с.182: гл. 42). Кроме того, в Леведии упоминается река $\chi\iota\delta\mu\acute{\alpha}\varsigma$, $\acute{o}$ καὶ $\chi\iota\gamma\gamma\iota\lambda\omicron\upsilon\acute{o}\varsigma$ (1, с.170; гл. 38,1.8), в которой усматривается Ингул, приток Буга, пересекающий равнину между Бугом и Нижним Днестром. В этом западном углу, к западу от Днестра, территория страны Леведии пересекается с территорией Ателькузу (см. карту).

Границы Леведии, вытекающие из географических данных трактата "Об управлении империей", совпадают с теми, что намечены событиями 830-х годов. От низовьев Дона на востоке, страна венгров протянулась до болгарской границы на север от Дуная. Арабский географ Ибн Руста (около 920 г.), использовавший для своего описания народов Восточной Европы источник, составление которого восходит к эпохе моравского князя Святополка (871-894 гг.), но предшествует первому изгнанию венгров (около 889 г.), размещает эту страну между двумя реками, впадающими в Черное море. Эти две реки, одна из которых больше, чем Окс, скорее всего Дон и Буг (34, с.160)¹⁸. Ни один источник не упоминает венгров до 830-х годов, напротив, их появление около 836 г. потрясает понтийскую степь. Их пребывание в стране Леведии, закончившееся около 889 г., ненамного превысило полвека¹⁹.

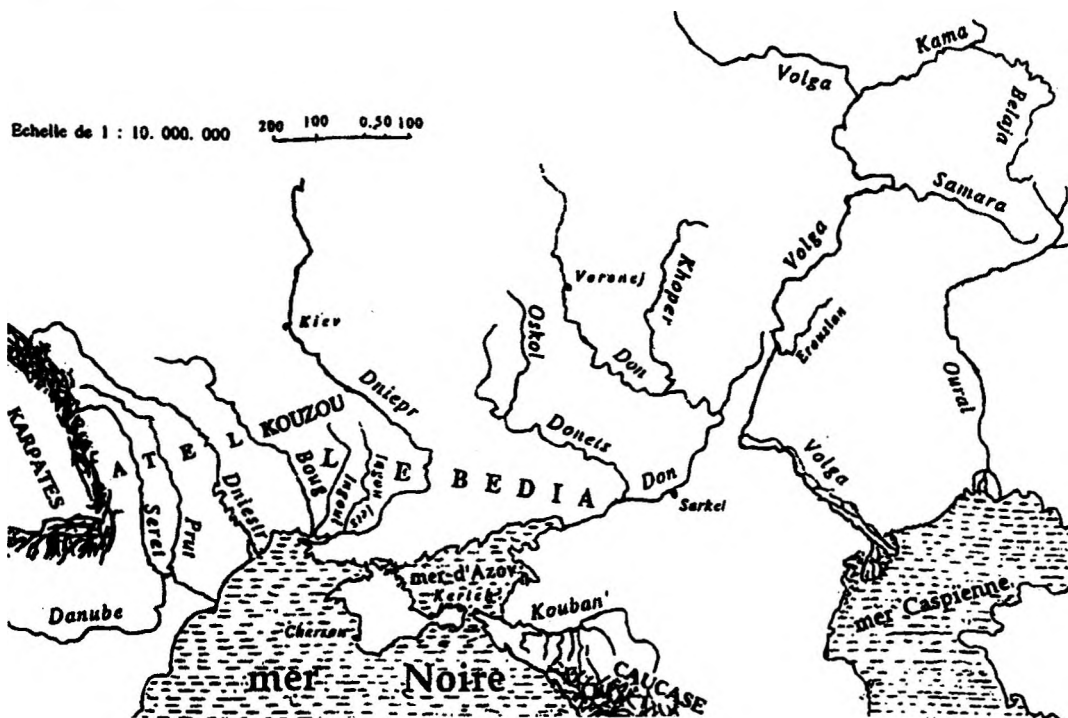
Отстаиваемая нами точка зрения близка той, что бытовала уже в конце прошлого столетия (36, с.149-304)²⁰. Однако, недавние археологические исследования, в особенности работы Е.А.Халиковой, значительно уточнили и обогатили данные письменных источников. Они позволили атрибутировать древним венграм серию памятников, расположенных на юге бассейна Камы и ее притока реки Белой. В первой половине IX в. большинство населения, которому принадлежали эти памятники, их покидает (38, с.141-156). При этом восточные географы отмечают и в X в. присутствие венгров к востоку от Волжской Болгарии (40, с.317-324), а в 1234/5 г. венгерский монах Юлиан застал в том же регионе людей, еще говорящих по-венгерски (41, с.143-147, 156-160). Археологические находки позволяют не только подкрепить тезис о миграции большей части венгерского народа около 30-х годов IX в., но также проследить их путь. Пять одиночных погребений, относимых венграм, намечают путь по Башкирии до впадения речки Еруслан в Волгу (около 200 км к северу от Волгограда), возможно, именно там венгры переправились через Волгу по дороге в понтийскую степь (42, с. 192-198).

Карта I.

¹⁸ Об источнике Ибн Русты см. работу Т.Левицкого (35, с.2-9). Названия рек, ограничивавших страну венгров, указаны лишь в более поздних, чем Ибн Руста, географических трактатах, которые восходят, однако, к тому же источнику (8, с.30-33). Одна из рек, Атиль, определена Й.Марквартом (и большинством ученых после него) как Дон. Название второй реки дошло до нас в разных формах, которые порозному исправлялись исследователями; эта игра догадок, легко приспособляемых к любой исторической схеме, не имеет доказательной силы.

¹⁹ Если предположить, что Константин знал точное число лет, проведенных венграми в стране Леведии, следовало бы исправить цифру $\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ на $\kappa\epsilon\upsilon\tau\eta\delta\epsilon\omicron\upsilon\tau\alpha$ (гл. 38,1.14). [В дискуссии по сему докладу в Севастополе проф. В.Зайбт (Вена) отметил, что в оригинале цифры были, по всей вероятности, прописаны буквами; в таком случае превращение буквы ν (50) или даже букв $\nu\upsilon$ (53), зачастую очень сходных в написании, в γ (3) легко объяснимо].

²⁰ К сожалению, теория "кавказской родины" венгров, вдохновленная географическим анализом Маркварта и развитая лингвистами, посеяла, с начала этого века, большую путаницу в умах; см. краткий, но весьма полезный критический обзор П.Б.Голдена (37, с.242-248).

II. Венгры и хазары: союзники или соперники?

Народ венгров овладел (ἔσχευ)²¹ в 30-х годах IX в. территорией, которая более полутора веков принадлежала Хазарскому каганату (1, с. 170: гл. 38,1.4). Сооружение Саркела, пограничной крепости в самом сердце исконной страны хазар, вряд ли свидетельствует о добрососедских отношениях между обоими народами. Тем не менее, венгров принято считать союзниками и даже "вассалами" хазар. Современные историки следуют в этом вопросе указанию трактата "Об управлении империей". Согласно венценосному автору трактата, или точнее его венгерскому информатору, семь венгерских племен, расположившихся в стране Леветии "жили вместе с хазарами... участвуя как союзники во всех их войнах" (συνώχησαν δὲ μετὰ τῶν Χαζάρων ... συμμαχοῦντες τοῖς Χαζάροις ἐν πᾶσι τοῖς αὐτῶν πολέμοις) (1, с.170: гл. 38.1.13-14). Это свидетельство, хоть и записанное более 60 лет спустя после изгнания венгров с их первой понтийской родины, вполне однозначно.

Сведениям Константина VII противоречат, однако, данные Ибн Русты, а точнее его источника, составленного около 880 г. и являющегося первым арабским

²¹ Перевод фразы "Ὅτι τὸ τῶν Τουρκῶν ἕνος κλησίον τῆς Χαζαρίας τὸ παλαιὸν τὴν κατοικήσιν ἔσχευ как "Народ турок в древности обитал поблизости от Хазарии" (1, с.171) не отражает совершенный вид глагола ἔσχευ, хорошо прокомментированный Л.Варади (27, с. 25).

источником, говорящим о венграх (41, с.56). В нем сообщается, что "хазары (...) защитили себя рвом от нападений мадьяр и других соседних народов" (34, с.160). Некоторые ученые, среди них Й.Маркварт, признавали в свете этого пассажа, что расселение венгров на их новой родине проходило отнюдь не мирным путем (8, с.28)²². Чтобы примирить это свидетельство с идиллией, описанной Константином Багрянородным, Й.Маркварт выдвинул гипотезу о сближении между венграми и хазарами начиная с 40-х годов IX в. (8, с.30)²³. Однако четыре факта, сообщаемых в тексте "Об управлении империей", значение которых ускользнуло от комментаторов, позволяют не только отвести эту гипотезу, но также и объяснить происхождение традиции о предполагаемом венгеро-хазарском союзе.

1. Брак Леведии. В награду за храбрость и за военную помощь венгров каган дал их вождю Леведии в жены знатную хазарку; судьбой было уготовано, чтобы у них не было детей (1, с.170: гл. 38,1.14-19). Такое обхождение с венграми якобы свидетельствует об их "возвышении (...) в ранг государства-клиента Хазарии" (27, с.27). Однако, нам известно, как хазары строили матримониальные отношения с подчиненными им народами. Не каган отдавал вождю народа знатную хазарку, а правитель-"вассал" отправлял свою дочь в гарем кагана. Арабский дипломат Ибн Фадлан, сообщающий об этом обычае, наблюдал его сам во время пребывания у правителя волжских болгар, подвластных хазарам (44, с.147, §122; 45, с.115)²⁴. Практика же, описанная в трактате "Об управлении империей", находит параллель в отношениях Китайской империи с тюркскими вождями. Для тюркского кагана, особенно при спорности происхождения его власти, пожалование женщины из китайского императорского дома было равносильно признанию (46, с.392-395). Таким образом, традиция, сохраненная Константином VII, свидетельствует скорее о матримониальном союзе между равными и о признании хазарами внедрения венгров на вновь занятую ими территорию.

2. Переброска печенегов. От бездетного брака Леведии Константин переходит к истории с печенегами. Вступив в войну с хазарами и потерпев от них поражение, печенеги были принуждены покинуть свою землю и поселиться в стране венгров. Любопытно, что "венгерская" глава 38 трактата "Об управлении империей" упоминает в качестве победителей только хазар, в то время как глава 37, посвященная печенегам, относит их поражение на счет коалиции хазар и (г)узов. Именно гузам приписывается инициатива военных действий, к ним же отходит страна печенегов после изгнания этих последних (1, с.166-172: гл. 37,1.2-14 и гл. 38,1.19-31). Сосредоточенность венгерской главы на хазарах не случайна. Обратимся вновь к ключевой фразе: *πρὸς Χαζάρους οὖν οὔτοι (s c oî Πατζιναχῖται) κινήσαντες πόλεμον καὶ ἤττηθέντες, τὴν οἰκείαν γῆν καταλείψαι καὶ τὴν τῶν Τούρκων κατοικῆσαι κατηναγκάσθησαν*. Печенеги были *принуждены*, в результате их военного поражения заселить страну венгров. Конструкция фразы

²² П.Голден связывает ров Ибн Русты с реальными рвами, которые защищали, по данным раскопок, Саркел и хазарские крепости Донца (14, с.62-63).

²³ Й.Маркварт (8, с.30) предполагает метаморфозу столь же быструю, сколь и необъяснимую: "После того как мадьяры были лишены возможности вредить хазарскому государству, вскоре установилось между обоими народами доброе взаимопонимание и мадьяры попали в своеобразную зависимость от хазар."

²⁴ У кагана было 25 жен, дочерей правителей подвластных ему народов.

(ἤττηφέντες ... κατήγαγχάσθησαν) дает понять, что принуждение исходило от народа, который представлен здесь как единственный победитель печенегов, то есть от хазар.

Таким образом, из главы 38 трактата "Об управлении империей" с очевидностью вытекает, что изгнание венгров из страны Леведии было спровоцировано интригой хазар, а печенеги были ее исполнителями. Но к тому же выводу можно прийти и просто взглянув на карту. Первоначально печенеги кочевали между Волгой и Уралом, где их и помещает Константин Багрянородный (1, с.166: гл. 38.1.2-4). Две большие реки, Волга и Дон, а также сотни километров хазарской степи отделяли их от страны Леведии. Сторонники теории сердечного согласия между хазарами и венграми не объясняли, каким образом разгромленные печенеги смогли бы форсировать эти препятствия и пересечь страну своих победителей против их воли. Можно, конечно, перевернуть исходные данные и утверждать, как это недавно сделал Л.Варади, что рассказ о выселении печенегов в результате победы хазар — это лишь "эвфемизм", скрывающий военную слабость хазар, оказавшихся неспособными защитить своих союзников-венгров от печенежского нашествия (27, с.26). Это предложение обладает одним достоинством - оно указывает на реальность проблемы. Мы, однако, предпочитаем ее решать в соответствии с данными источника.

3. Венгры и кабары. Хазарская агрессия против страны Леведии, осуществленная через посредство печенегов, никак не объясняется в главе 38. Причина ее проясняется, однако, при чтении короткой главы 39, посвященной кабарам.

Согласно сведениям Константина VII, имя кабар было дано трем хазарским племенам, поднявшим восстание против верховной власти (πρότη ἀρχή) своей страны и потерпевшим в нем поражение. Часть их была истреблена, другая часть нашла убежище у венгров в Леведии и затем покинула эту страну вместе с ними после вторжения печенегов. Восстание кабар было интерпретировано исследователями как реакция на обращение Хазарии в иудаизм и датировалось, в зависимости от датировки, принятой для этого события, временем между второй половиной VIII в. и первой третью или серединой IX в.²⁵ Однако, некоторые новые данные позволяют уточнить как дату восстания, так и его причину.

Некрополь Челарево, относимый к эпохе внедрения венгерских племен в Закарпатье (около 900 г.), дал погребальный инвентарь типичный для кочевников, но, наряду с ним, и весьма необычный элемент: десятки кирпичей или их фрагментов с граффити с изображением семисвечника и других иудейских символов. Логично связать эти находки с проникновением иудаизма к хазарам и с присутствием хазар-диссидентов, кабар, среди венгерских племен (50, с.174-181). Обращение хазар в иудаизм в 861 г. — в год неудачной миссии Константина, будущего просветителя славян, ко двору кагана, или немного позже (51, с.237-270) — захватило, таким образом, и кабар. В самом деле, нет никаких оснований рассматривать их восстание как протест против новой религии. Представленное Константином Багрянородным как отложение (ἀπόστασις) от верховной власти страны,

²⁵ Восстание датировали: около 760 г. (47, с.203), около 780 г. (48, с.142-146), второй половиной VIII в. (27, с.34), первой третью IX в. (23, с.324-335), около 850 г. (49, с.112-115).

оно должно быть связано с потрясением структур хазарского каганата во второй трети IX в., вызванным возвышением бека и превращением его власти в наследственную²⁶. Непосредственной причиной восстания могла послужить передача власти первым беком-царем Буланом-Сабриелем своему сыну Хезекии, что произошло немногим позже 861 г. В 881 г. кабары (*Cowari*) принимают участие в венгерском набеге на Вену и ее окрестности (54, с. 742; 58, с.325-326). Таким образом восстание может быть датировано, с точностью до десятка лет, около 870 г. Рассказ Константина Багрянородного также оставляет впечатление, что кабары присоединились к венграм незадолго до изгнания последних из страны Леведии (ок. 889 г.).

Прием, оказанный венграми кабарам, объясняет интригу хазар. Стремление тюркских кочевников добиться выдачи перебежчиков и покарать их известно со времен Аттилы. Об этой общей черте тюрков говорится в "Стратегиконе" Маврикия (56, с. 336: X, 2; 1.74-78) и более подробно в "Тактике" Льва Мудрого (57, XVIII,66-67, PG 107, col.961), где тюрки Маврикия отождествляются с венграми и добавляется фраза, которой нет в источнике, о ненависти тюрков к перебежчикам. Тем не менее, кабары нашли прибежище в стране Леведии и пребывали там в полной безопасности. Л.Варади хорошо заметил, что этот факт проблематичен с точки зрения венгеро-хазарских отношений, но объяснил его тем, что восстание кабар якобы было направлено против их собственной племенной верхушки, в то время как центральная власть, представленная каганом, нисколько не была им затронута и потому не могла иметь претензий к венграм по поводу их приема (27, с.32-34)²⁷. Однако, эта смелая гипотеза радикально расходится с рассказом Константина VII. Согласно главе 39, племенное самоопределение тех, кого называли кабарам — "восставшими", согласно общепринятой этимологии — результат их отделения "от народа хазар" (ἀπὸ τῆς τῶν Χαζάρων γενεᾶς). Восстание кабар было явно направлено против верховной власти всего хазарского народа, против бека-царя, если следовать нашему анализу. При уже натянутых отношениях между хазарами и венграми, предоставление последними убежища кабарам было очевидной провокацией, на которую хазары и отреагировали силой, как только им представилась возможность.

4. Инвеститура Арпада. После изгнания венгров из страны Леведии, хазары обходятся со своими предполагаемыми союзниками весьма недружелюбно. Они требуют, чтобы вождь Леведия предстал перед каганом, а по исполнении этого требования предлагают облечь его властью архонта над своим народом при условии, что тот станет покорным подданным кагана (ἵνα ὑπαίχτης τῷ λόγῳ καὶ τῇ προσταξεί ἡμῶν). Тут уж Леведия отказывается. По рассказу Константина Багрянородного, он предлагает поискать другого архонта, который подчинился бы хазарам (καὶ ἔστιν ὑπὸ τὸν λόγον ἡμῶν). Тогда хазары отправляют к венграм посольство и, после переговоров, находят подходящего кандидата — Арпада, сына Ал-

²⁶ Динамика этого процесса (см. 52, с.112-201; 51, с.249-254) затемнена во многих исследованиях представлением об исконности двоевластия у хазар. Политический характер восстания кавар был в свое время отмечен А.Крымским (53, с.390-392).

²⁷ Согласно Л.Варади, каган не только соблюдал нейтралитет по отношению к восставшим, но и готов был назначить одного из них во главе племенной конфедерации венгров (Варади считает, вслед за Й.Марквартом, что основатель венгерской династии Арпад был выходцем из племени кавар).

муца, которого поднимают на щит и производят в архонты согласно закону и обычаю хазар (1, с. 172: гл. 38, 1.31-53).

Описанная ситуация, в корне противоречащая логике традиционной концепции о союзничестве, подтверждает анализ, предложенный выше. На самом деле, хазары требуют и добиваются капитуляции побежденного врага. После поражения, которое хазары нанесли венграм через посредство печенегов, они навязывают им правителя, признающего себя вассалом кагана. Именно тогда, около и 890 г., а не на 50 лет раньше, предводитель венгров становится вассалом хазар, как и правители волжских болгар, бургасов и других народов, подчиненных кагану, каких было, согласно Ибн Фадлану, числом 25 (см. выше). Для нас, однако, этот рассказ имеет и дополнительный интерес. Он позволяет объяснить зарождение традиции об исконном и неразрывном союзе между венграми и хазарами.

Исторический экскурс Константина Багрянородного обнаруживает важный пробел в его сведениях о политических институтах древних венгров. Константин убежден в отсутствии центральной политической власти у венгерских племен в эпоху Леведии; он знает только их военного предводителя, которого обозначает славянским термином *воевода*. Водворение Арпада в качестве *архонта* представляется как создание верховной власти, которая до этого не существовала. Однако, источник Ибн Русты описывает структуру власти у венгерских племен в период их пребывания на первой понтийской родине совсем по-иному. Он говорит о двоевластии, причем верховным правителем венгров является канда (*kundu*), а исполнительная власть, включая командование войском, находится в руках джалы (*gyula*)²⁸. Это двоевластие проявляется в рассказе Продолжателя Амртола о встрече, произошедшей около 895 г., между Никитой Склиром и двумя "главами" (*κεφαλαί*) венгров, Арпадом и Кусаном (59, с.853-854). Последний был определен, благодаря традиции, сохранившейся в венгерской хронике, как *kundu* (60, с.12-15). В неведении Константина явно повинен его информатор, Термацу. Этот правнук Арпада, посетивший Константинополь около 948 г., очевидно опустил сведения о том, что его предки установили свою династическую власть за счет законной династии (26, с.146).

Наш анализ позволяет лучше понять обстоятельства возвышения Арпада. Последний обязан своей властью хазарам, которые после устранения прежнего воеводы-дьюлы Леведии вводят новую церемонию инвеституры, ставшую актом основания династии Арпада и залогом ее легитимности. Этот долг по отношению к хазарам, который трудно было забыть немногим более полстолетия спустя требовал пересмотра древней венгерской истории. Соперничество между двумя народами, порожденное насильственным захватом венграми части территории хазарского каганата, трансформировалось в союз. Арпад стал наследником престола, рекомендованным Леведией, и верным продолжателем его политической линии. Но это поверхностное ретуширование мало скрывает реальную суть истории, каковой является описанный нами конфликт.

Внедрение венгров на территорию каганата в 830-х годах имело ряд последствий, которые не были оценены современными историками. Это был тяжелый

²⁸ Неисправность текста Ибн Русты (34, с.156) устраняется у Гардизи, черпавшего из того же источника (61, с.159-160).

удар для славян. Согласно источнику Ибн Русты, венгры "господствуют над всеми славянами, которые с ними соседят, и налагают на них тяжелую дань: славяне находятся в их власти как пленники", славянских пленников регулярно продавали византийским торговцам (34, с.160-161)²⁹. С другой стороны, исследователи отмечают, толком его не объясняя, полный перерыв в циркуляции диргемов в бассейне нижнего и среднего Днепра и его притоков во второй и третьей третях IX в. (61, с.100-118; 10, с.22-23). Причина очевидна: соседство этих земель со страной Леведией делало их естественной мишенью для походов венгров, а перерыв в поступлении монет в точности соответствует времени венгерской оккупации понтийской степи. Давление венгров было определяющим фактором развития — или точнее неразвития — Киева, который становится важным политическим и торговым центром лишь начиная с 900-х годов³⁰.

Вторжение венгров сильным образом отразилось и на внутренних структурах хазарского каганата. Упадок власти кагана и возвышение бека было явлением второй трети IX в., нет оснований искать его причину в арабо-хазарских войнах середины предыдущего столетия, как это делает А.П.Новосельцев (62, с.140). Согласно Кембриджскому анониму, бек, который сумел превратить свою власть в наследственную, (Булан-) Савриель, проявил себя в течении долгих лет войны между Хазарией и неназванным врагом, ее атаковавшим (63, с.106, fol. Ir, 1.10-12). При этом текст, всячески превозносящий первого правителя, "вернувшего" Хазарию к иудаизму, не приписывает ему наступательных акций, а лишь обращение в бегство агрессоров против своей страны. Учитывая, что военная карьера Булана протекала в период между 830-860 гг. (51, с.253-254), неназванный враг может быть теперь определен как венгры. Следы войны видны на Правобережном Цимлянском городище, первое разрушение которого было отнесено к венграм С.А.Плетневой (64, с.46-69; 65, с.271-396)³¹. Мы не стремимся здесь дать полный обзор хазаро-венгерского конфликта, он заслуживает отдельного исследования, но пытаемся показать его реальность и стойкость на протяжении полувека, проведенного венграми в стране Леведии. Установив этот факт, обратимся вновь к Византии и рассмотрим ситуацию в Крыму.

III. Византия в Крыму между хазарами и венграми

Отношения между Византией и Хазарией в Крыму, как кажется, обнаружи-

²⁹ Это свидетельство оказалось идеологически вредным в контексте "дружбы народов" между СССР и Венгрией, и можно было бы привести немало примеров того, как его пытались свести на нет.

³⁰ Городское развитие Киева началось позже, чем принято считать, см. недавний обзор Дж.Шепарда (20, с.93-100) (автор не прав лишь относительно следы венгерского присутствия в районе Киева на счет "венгров, бывших на службе у кагана" (20, с.96); о хронологии первых русских князей см. К.Цукерман (51, с.259-270).

³¹ [Атрибуция С.А.Плетневой идеи о разрушении городища венграми является с моей стороны досадной ошибкой. Это результат слишком беглого прочтения ее публикации памятника, в материале которого я находил подтверждение своим идеям и потому, к сожалению, поспешил приписать собственные выводы автору; см. приложение]. Анализ памятника, данный С.А.Плетневой, оспаривает В.С.Флёров (66, с.441-516; 67, с.100-113). Оставляя археологам интерпретацию остатков материальной культуры, отметим, что исторический контекст разрушения памятника, выбранный В.С.Флёровым (вслед за М.И.Артамоновым) - восстание кабар, отнесенное к первой трети IX в. - противоречит нашему анализу хронологии восстания.

вают признаки конфликта. Так, спафарокандидат Петрона, по возвращении из Саркела летом 841 г., представил императору Феофилу проект создания фемы в Херсоне. Эта фема будет известна в течение почти всего своего существования как фема Херсона. Однако, тактикон Успенского, составленный через год после создания фемы, называет ее иначе: Климаты (68, с.49). Климаты — это административные округа, они же архонтии Крымской Готии, горной области на севере и востоке от Херсона, где готы поселились в эпоху Великого переселения народов. С начала VIII в. Готия была подчинена хазарам³². Создание же новой фемы свидетельствует о явном стремлении поставить Климаты под контроль Византии. Осуществлялась ли эта попытка имперской экспансии в Крыму в ущерб хазарскому каганату? Двадцать лет спустя, Константин Философ был послан императором Михаилом III с миссией ко двору кагана. Перед тем, как отправится в Хазарию, он провел зиму в Херсоне (860/1), где ему стало известно о прибытии хазарской армии, осадившей "христианский город". Константин направился к хазарскому военачальнику, проповедал ему слово Божье, почти убедил его креститься и уговорил снять осаду (70, с.96). Не является ли это новым эпизодом латентного конфликта между Хазарией и империей за контроль над Крымом? Такой политический анализ кажется логичным в том, что касается Крыма, но плохо вписывается в более широкий исторический контекст. Как совместить антихазарскую интригу в Климатах с византийской помощью в строительстве Саркела? Миссия Константина, ставшего свидетелем нападения хазар, была ответом на посольство кагана, принесшее послание "любви и дружбы" к империи (70, с.95). Признаки сотрудничества и конфликта между Византией и Хазарией кажутся одновременными, факт, который приводит Т.Нунана к выводу о том, что "*eastern Crimea was a low-priority backwater where some cooperation and some conflict could take place simultaneously*" (71, с.131). Однако, такая одновременность нам кажется парадоксальной. Новый анализ отношений между хазарами и венграми (см. выше) позволяет, как нам кажется, предложить более связное объяснение. Но перед тем, как его развить, следует добавить к уже сказанному два элемента:

а. Согласно Ибн Русте, "мадьары (...) пиратствуют над славянами и уводят их пленных по побережью до порта в стране Рум, называемого Карх (= Керчь)". Торговцы-"греки отправлялись туда, чтобы вести торговлю", выменивая у венгров рабов на парчу и другие имперские товары (34, с.160-161)³³. Напомним, однако, что город Боспор, который впервые появляется здесь под своим современным названием Керчь, стал уже к 700 г. главным центром хазарской власти в Крыму. Там находилась ставка *baliqci, он же βαλιττι(ν) Хронографии Феофана (72, с.373), надзиравшего за Керченским проливом (73, с.130-137), это также единственный важный город Крыма, где археологи отмечают массовые следы хазарского присутствия, включая цитадель VIII в., построенную на руинах христианских "культовых зданий" (74, с.144). Следует ли считать, что несмотря на натянутые отношения между хазарами и венграми, торговля, описанная источником Ибн Рус-

³² О дате основания Саркела и значении термина климаты, см. К.Цукерман (22), свежий обзор истории Крымской Готии у А.И.Айбабина (69, с.156-170).

³³ Определение Карха как Керчи, которое ныне никто не оспаривает, было вновь обосновано В.Минорским (40, с.182), против Й.Маркварта (8, с.162,336).

ты (около 880 г.), проходила под надзором хазарских властей?

б. Сборник писем патриарха Фотия содержит выдержку из письма к Антонию, архиепископу Боспора, содержание которого сводится к следующему. Гостеприимное (εὐξένιος) море стало достойно имени благочестивого (εὐσεβής), благодаря трудам о вере архиепископа Антония. Если бы, сверх того, ему удалось обратиться иудеев своей страны к Христу, увести их, как он пишет, от их суеверия и привести от буквы закона к милости, Фотий собрал бы в изобилии плоды возложенных на него надежд (75, с.132; Ер. 97; 76, с.125; № 515). Последние издатели письма поставили его в связь с распространением иудаизма среди хазар. Эта связь требует уточнения. Апостольские потуги архиепископа Антония не являются спонтанной реакцией на обращение хазар в иудаизм в начале 60-х годов IX в. Они вписываются в кампанию по крещению, добром или силой, иудеев империи, развернутую императором Василием I в ответ на успех их религии в Хазарии (77, с.347-353). Сицилийская хроника, называемая Кембриджской, датирует насильственное крещение иудеев 6382 г. (=873/4) (78, с.333); возможно небольшое запоздание в проведении этого мероприятия в Италии по сравнению с остальной империей. Завершение епископального корпуса Фотия относится к 873 г., и даже 873-875 гг. (75, с.ХХII). Таким образом, письмо 97 следует датировать около 873 г., когда низложенный, но постепенно вновь входящий в милость Василия I, патриарх примыкает к антииудейской политике императора.

Епископ, осуществляющий свое служение в Хазарии, стране недавно иудайзированной, претендовал бы на мученический венец, берясь проповедовать христианскую веру иудеям. Он, несомненно, и стал бы мучеником, принимая это обязательство в рамках кампании, инспирированной иностранной державой и направленной против хазарского государства. Однако, архиепископ Боспора не видит политических препятствий к обращению иудеев своего города; судя по ответу Фотия, Антоний уверен в своих шансах на успех. Анализ 97 письма показывает, на наш взгляд, что к 873 г., город Боспор не принадлежал больше хазарам. Это свидетельство совпадает с почти одновременным сообщением источника Ибн Русты, описывающим город Керчь (=Боспор) как расположенный в стране Рум.

Некоторые исследователи приписывают вытеснение хазар из Крыма печенегам (около 900 г.) (79, с.65; 80, с.211-223), другие признают их присутствие на полуострове до середины X в. (81, с.137-138)³⁴, третьи колеблются между этими двумя датами (62, с.109). Два приведенных текста показывают иную картину. Выясняется, что хазары потеряли свой основной бастион в Крыму — город Боспор-Керчь, не менее чем за двадцать лет до прихода печенегов³⁵. Достаточно

³⁴ Это традиционное мнение основывается на пространной редакции письма хазарского царя Иосифа (около 955 г.), который включает большую часть Крыма в границы своего царства. Здесь не место разбирать этот текст.

³⁵ Роль хазар в переброске печенегов (см. выше) делает весьма маловероятной гипотезу о войне между обоими народами за контроль над Крымом. Единственным, кто, насколько нам известно, относил падение хазарской власти в Крыму "к середине IX в.", был А.Л.Якобсон (82, с.55). Однако, по его представлению, хазары обладали лишь "призрачной властью" (82, с.35) в Крыму начиная с конца VIII в. (эпохи, когда их власть достигает апогея). Уход хазар из Крыма, при сохранении, однако, города Боспора, связывается им, в первую очередь, с усилением присутствия русских в бассейне Черного моря, хотя за мадьярами и печенегами также признается определенный вклад в ослабление каганата (82, с.55-56).

взглянуть на карту Северного Причерноморья, чтобы понять динамику конфликта. Овладев понтийской степью и выйдя к Перекопу, венгры неизбежно сталкиваются с хазарами в Крыму. При этом они выступают с позиций силы. Хазары могли проникать в Крым только с востока, через Керченский пролив, но пролив редко замерзает зимой, а летом форсировать эту широкую водную преграду весьма не просто. Неудивительно поэтому, что к 873 г. хазары были вытеснены из Крыма.

Столкновение венгров и хазар за контроль над Крымом дает тот контекст, в котором следует рассматривать данные Жития Константина Философа. Этот текст, составленный около 880 г., описывает осаду хазарами крымского города зимой 860/1 г. (см. выше), но упоминает также и венгров. Воя как волки, венгры нападают на Константина после его переговоров с хазарским воеводой и угрожают убить его. Сила молитвы и проповеди святого убеждают их, однако, отпустить его вместе со свитой (70, с.96). Некоторые комментаторы объединяют оба эпизода и представляют венгров как часть хазарского войска (83, с.188-190; 84, с.45-46; 23, с.345). При этом возникает вопрос, почему же святой, почтенный военачальником, тут же оказывается под смертельной угрозой со стороны его солдат. Но стоит отступить от старой концепции союза между венграми и хазарами, и ситуация поддается более рациональному объяснению. Причина, заставившая хазарского воеводу оставить осаду города, была, надо думать, более прозаичной, чем божественная проповедь Константина: он боялся приближения венгерских войск. А зиму он выбрал для нападения, наверное, потому, что уже в 860 г. хазары не располагали больше базой в Крыму и воспользовались замерзанием Керченского пролива, чтобы совершить набег с Тамани. Венгры, со своей стороны, нападают на Константина, конечно же, чтобы ограбить его, но и потому, что он только что покинул лагерь хазар.

Пребывание Константина в Херсоне было также отмечено переносом мощей папы Климента из храма, находившегося за стенами города, в городской собор. Константин не только организовал перенос мощей, но и описал его по-гречески (текст сохранился лишь в сокращенном славянском переводе и в латинском пересказе). То же событие вкратце описано в письме Анастасия библиотекаря, который воспользовался не только текстом Константина, но также и устным рассказом епископа Митрофана Смирнского, сосланного в Херсон на момент событий. Письмо дает живую картину положения горожан, запертых в городе, как в тюрьме, по выражению Анастасия, страхом варварских набегов (... *qui scillicet non tam urbis cives quam esse carceris habitatores, cum non auderent extra eam progredi, viderentur*) (85, с.436). Это свидетельство обретает теперь конкретный исторический контекст. Борьба между хазарами и венграми, свидетелем которой стал Константин, тяжело отражалась на оседлом населении Крыма. Пока военное положение оставалось неустойчивым, граждане Херсона, как и жители неназванного "христианского города", находились меж двух огней.

Византия, не располагавшая военными силами в Крыму, держалась вне этой борьбы, но и не оставляла поползновений извлечь из нее некоторую выгоду. В конце 30-х годов IX в. она выступает на стороне своего старого союзника Хазарии, внося свой вклад в строительство Саркела. С другой стороны, хазары, потеряв понтийскую степь, должны были быстро осознать, что у них нет шансов удержать

за собой Юго-Западный Крым. В этих условиях не исключено, что проект Петроны аннексировать Готию к империи — именно такова суть плана создания фемы Климатов — был согласован с хазарами во время его пребывания в Саркеле. План Петроны отражал желание империи не допустить венгров в Крым, являясь логическим продолжением усилий остановить их на Дону. Однако, фема, которая носит имя Климаты в тактиконе Успенского и, видимо, на двух печатях (86, с.149-150, № 14; 87, с.182, № 81.1), была переименована в Херсон не позже 50-х годов IX в. Это изменение названия указывает, на наш взгляд, на отказ от надежды распространить власть империи за пределы города.

При отсутствии конкретных данных о новом политическом равновесии в Крыму после вытеснения хазар, остается прибегнуть к аналогии. Трактат "Об управлении империей" описывает ситуацию 40-х годов X в., более полувека спустя после того, как власть в понтийской и, следовательно, в крымской степи перешла от венгров к печенегам. Автор выражает заботу о судьбе трех регионов в Крыму — Херсона, Климатов и Боспора, представляя их, однако, полностью охваченными страной печенегов. Пачинакия располагается "на полдня пути от Болгарии, совсем близко к Херсону и еще ближе к Боспору" (... καὶ εἰς Χερσῶνα μὲν ἐστὶν ἕγγιστα, εἰς δὲ τὴν Βόσπορον πλησιέστερον) (1, гл. 37, 1.48-49, с.168). Так территория Херсона и Боспора сужается практически до их городской черты, а расстояние и тем самым географическое разграничение между Пачинакией и Климатами не указывается вовсе. При этом статус трех регионов не одинаков. Империя отправляет стратига в Херсон и субсидирует гарнизон, который должен защищать город (1, с.258-266: гл. 53; 88, с.544-550). Напротив, она не располагает средствами вмешательства в дела Боспора и Климатов: имперская забота об их безопасности сводится к дипломатическим демаршам³⁶.

Думается, что положение Крыма при венграх мало отличалось от описанного Константином Багрянородным. Как венгры, так и печенеги, в отличие от хазар, не пытались контролировать городские пункты и внедрять там свою администрацию и гарнизоны. Для обоих кочевых народов Крым представлял лишь побочный интерес. Вытеснение хазар с полуострова принесло, таким образом, Боспору и Климатам изрядную долю самостоятельности (возможные обязательства жителей по отношению к новым хозяевам степи, державшим в руках их безопасность, нам не известны). Между Византией и венграми устанавливается на каком-то этапе "мирное сосуществование", которое благоприятствует усилению традиционных связей оседлого христианского населения Крыма с империей (ср. 89, с.114-122). Боспор-Керчь, крымский порт, наиболее легко доступный для кочевников из понтийской степи, становится эмпорием, где венгры обменивают пленных на византийские товары. Архиепископ боспорский Антоний присоединяется к антииудейской кампании Василия I; архиепископ Лука, без сомнения его преемник, принимает участие в "фотиевском" соборе в Константинополе в 879 г. (90, col. 373). Но вряд ли стоит при этом придавать строгий политический смысл указанию Ибн Русты, что город Керчь находится "в стране Рум". Нет никаких указаний на военное или

³⁶ Предупреждение нападений печенегов на Херсон и на Климаты представляется одной из основных целей дипломатических сношений с этим народом (1, с.48: гл. 1, 1.25-28); союз с Аланией представлен как лучший способ защиты Херсона и Климатов от хазар (1, с.64: гл. 11; 71, с.116).

административное присутствие империи в Крыму за пределами Херсона в IX в. и в первой половине X в. Эта политика невмешательства контрастирует с резким проявлением византийских военно-административных структур на Боспоре, где помещается стратиг (68, с.269,363), и в Готии, где появляется турмарх (91, с.271-275) — после разгрома печенегов, союзников русского князя Святослава, в 970 г. (12, с.290, 309-310).

Венгры, как и пришедшие за ними печенеги, были неудобными соседями. Высказывание Льва Мудрого, когда тот вспоминает, после изгнания венгров, об этом соседстве, весьма красноречиво: οὐτε γὰρ γείτονές εἰσιν, οὐτε μὴν πολέμιοι νῦν, "они больше не соседи нам, а значит и не враги" (57, XVIII.76; PG 107, col. 964). Константин Багрянородный не высказался бы иначе о печенегах, которые являлись то угрозой, то защитой для Херсона и Климатов (1, с.48,52-56: гл. 1 и 6-8). Это шаткое равновесие сил объясняет, почему крепнувшие связи между Византией, Боспором и Готией нашли институциональное выражение только век спустя после изгнания хазар. Оставив план создания фемы в Климатах, империя стремилась не задевать, формализуя свои территориальные амбиции в Крыму, соседа, которому не могла противостоять на поле боя. Пользуясь современными терминами, можно было бы определить статус Боспора и Климатов как совместный византино-венгерский, затем византино-печенежский протекторат. Но политическое искусство порой состоит в том, чтобы избегать слишком точных определений, чреватых конфликтами, и Византийская империя этим искусством владела в совершенстве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

После отправки в печать моего афинского доклада (см. выше прим.1), мне стали доступны две ценных монографии, Дьюлы Кристо и С.А.Плетневой, вышедшие в 1996 г. и непосредственно касающиеся моей темы. Я решил не менять при переводе уже напечатанный по-французски текст (что вызвало бы лишь путаницу в ссылках), а вкратце отозваться на обе новые работы в приложении.

Тема монографии Д.Кристо — Gyula Kristo "Hungarian History in the Ninth Century" (Венгерская история в IX в.), Szeged, 1996 — на самом деле несколько шире, чем следует из заглавия. Хорошая треть ее посвящена очистке авгиевых конюшен венгерской "предыстории", а именно критике попыток отыскать упоминания о венграх в источниках до IX в., связать их с гуннами, поселить их на Кавказе и т.п. Дело это полезное, а со своей стороны мне хотелось бы высказать лишь одно пожелание. Если бы специалисты отказались и от основанного на пустом созвучии отождествления угров с оногурами, изучение древнейшей истории венгров избавилось бы от огромного мертвого груза! Но от этого мы еще далеки.

Относительно времени появления венгров в Причерноморье анализ Д.Кристо в значительной степени превосхищает выводы первой части моего доклада. Я в ней, впрочем, на особую оригинальность и не претендовал, кроме как в уточнении некоторых хронологических деталей (которых Д.Кристо не касается). Автор склонен различать, вслед за Л.Бенко, между собственно "страной Леведией", в которой усматривается лишь территория расселения "клана" вождя Леведии, и террито-

ей, занятой венграми в целом. Это деление, основанное на общих соображениях о производстве венгерских топонимов (якобы имя вождя могло быть дано лишь непосредственно принадлежащей ему области), мне кажется непродуктивным. Константин Багрянородный называет Леведией всю территорию расселения венгров, а о том, что они могли и чего не могли назвать именем вождя в IX в., не нам судить. Д.Кристо также колеблется в определении реки *Χιδμάς, ὃ καὶ Χιγγιλοῦς*. Он указывает на предложенное отождествление первого гидронима с Кодымой, правым притоком Буга, а второго с Ингулом, левым его притоком, но не исключает и идентификации с другими одноименными или сходно именуемыми речками, главным образом в западной части Северного Причерноморья. Тут, однако, главным критерием является то, что в сознании информатора Константина Багрянородного, посетившего Константинополь более чем полвека спустя после изгнания венгров из Причерноморья, обе реки слились в одну, что легко объяснимо для двух притоков Буга. А уж если гадать, кому принадлежал бассейн Буга в IX в., то наверняка не клану Леведии, а Алмуцу и его сыну Арпаду, правнук которого донес до Константина память об этих не Бог весть сколь важных реках. Так можно построить целую теорию о причинах возвышения клана Алмуца как самого западного, наименее затронутого вторжением печенегов ок. 889 г. Но не будем отвлекаться.

Как справедливо отмечает Д.Кристо, центральным вопросом истории венгров в IX в. является характер их взаимоотношений с хазарами. В этом вопросе взгляды автора радикально расходятся с моими. Его реконструкция событий выглядит следующим образом. Венгры во главе с Леведией проникают, по-видимому, воспользовавшись междоусобицей в Хазарском каганате, в Северное Причерноморье из Башкирии в 30-х годах IX в., занимают страну Леведию в бассейне Буга и еще какую-то дополнительную территорию, но остаются там очень недолго. Уже ок. 840 г. хазары наносят им поражение и переселяют, как вассалов, на восточную границу каганата, на Волгу. Но и там венгры не задерживаются, ибо ок. 850 г. их разбивают печенеги и, обиженные на подставивших их под удар хазар, венгры уходят из каганата, прихватив с собой хазарских повстанцев - кавар. Обойдя земли кагана с севера, они направляются в страну Этелькез, традиционно локализуемую автором в "междуречье" Западного Причерноморья³⁷. Однако, каган не дремлет и тут же подчиняет венгров снова: вызывает к себе Леведия, коронует Арпада, только все это происходит не ок. 890 г., как считали многие и в том числе я, а в начале 850-х годов. А поскольку, по подсчетам автора, Арпад был в те годы еще мальчиком, то несколько неожиданно для читателя обнаруживается, что коронован был на самом деле не Арпад, а Алмуц. Как бы то ни было, плоды возрожденного союза налицо: венгерские воины хазарского воеводы, что волками были на Константина Философа зимою 860/1 г. в Крыму, приходят из Этелькеза. Но мудрый король Алмуц тяготится хазарской опекой. Восточной сей державе он предпочитает "западную ориентацию", которая выражается в том, что в 862 г. и ок. 880 г. венгры отправляются громить Запад. Укрепляясь внутренне и внешне, они посте-

³⁷ Следует отметить, что весьма сходная концепция Л.Варади (см. выше) выглядит в этом пункте последовательнее. Л.Варади перебрасывает за Волгу не только венгерских вассалов кагана, но и страну Леведию, которую Д.Кристо оставляет в Причерноморье. А ведь по данным Константина Багрянородного венгры попали в Ателькузу прямо из Леведии.

пенно выходят из сферы влияния хазар и, наконец, избавляются от какой бы то ни было от них зависимости. В начале 890-х годов разворачивается известный конфликт между венграми и болгарами, и тут оказывается, что печенеги, все более теснимые гузами на запад, достаточно близки, чтобы напасть на венгров по приглашению болгарского царя. Это нападение вызывает отход венгров в Паннонию. Как анализ Д.Кристо, так и мой основываются главным образом на данных трактата "Об управлении империей". Каждый, кто работает с этим текстом, какие-то его данные принимает, какие-то переосмысливает или отвергает как недостоверные. Читателю судить, какая из предложенных реконструкций остается вернее источнику.

Взгляды Д.Кристо на внутреннюю историю венгров отмечены суровой критикой позиций Д.Дьорффи, которые я в значительной степени принимаю и развиваю. Автор отрицает противоречие между источником Ибн Русты и трактатом "Об управлении империей", утверждая, что первый описывает ситуацию 870-880-х гг., когда двоевластие у венгров уже было введено под влиянием хазар, тогда как описание второго восходит к 830-м гг., когда двоевластия и в самом деле не было. Более того, автор возводит Леведию, Алмуца и Арпада в ранг кунды (а не дьюлы), а Курсана-Кусана, сына Кунды по данным Анонимной венгерской хроники, он почитает за дьюлу. Спор этот уже не одно десятилетие ведется в венгерской историографии, и потому ограничусь тремя замечаниями. Нет смысла превращать Леведию и Арпада в кунд, ибо они имели власть не номинальную, а реальную, в том числе и над войском. Позднейшая традиция, сохраненная венгерским Анонимом, лишь подтверждает то, что очевидно вытекает из описания Константина Багрянородного. Попытка Д.Кристо развести по разным эпохам два противоречащих друг другу источника столь же неправомерна. Замечания Константина о структуре власти у венгров относятся к эпохе коронации Арпада. Если его информатор сообщил ему для этого периода сведения, отражающие (по гипотезе Д.Кристо) реальность 830-х годов, то Константин был очевидным образом дезинформирован, остается лишь понять, почему. Основным камнем преткновения для Д.Кристо, да и не только для него, является сама идея о том, что древнейшая история венгров могла быть в середине X в. пересмотрена и перекроена в соответствии с политическими требованиями момента. И тут следует указать, что венгерская традиция была в этом отношении отнюдь не оригинальна, а следовала по хорошо проторенному пути. Развитие этого положения явилось бы наиболее весомым аргументом в поддержку концепции Д.Дьорффи, но это тема для отдельной статьи.

Книга С.А.Плетневой — "Саркел и «шелковый» путь". Воронеж, 1996 — является первым монографическим исследованием Саркела хазарского периода. Она будет воспринята с огромным интересом всеми, кто интересуется историей Хазарии. Здесь речь не может идти о том, чтобы дать читателю сколько-нибудь полное представление о ее содержании; я остановлюсь лишь на тех аспектах, которые непосредственно касаются моей темы.

Кирпичная крепость Саркел традиционно рассматривалась как военное укрепление. Одной из основных идей С.А.Плетневой является его реинтерпретация в качестве караван-сарая. В связи с этим подробно разбирается внутренняя плани-

ровка крепости и выделяются два комплекса построек в северо-западной ее части, здания I и IV, которые специфически определяются как караван-сарай. Назначение здания I и прилежащего к нему двора требует, возможно, дальнейшего осмысления. Словно врезанные в цитадель, они представляются скорее как административно-таможенный комплекс, где обитатели цитадели вступали в контакт с заезжими купцами, где те производили закупки припасов, где хранились взыскиваемые пошлины и т.п. Взгляд на план крепости показывает, что как место постоя купцов эта площадь была бы весьма неудобна: например, ведя скот на водопой, те без надобности тревожили бы постояльцев здания IV. Приводя эти соображения, я, однако, отнюдь не оспариваю основной тезис С.А.Плетневой. Как проведенный ею анализ здания IV, так и собранные в последней главе данные о торговых путях, идущих через Саркел, явно указывают на то, что значение этой крепости как перевалочного пункта на караванном пути с самого начала сознавалось ее строителями. Но это само по себе еще не объясняет время и характер постройки.

Определение Саркела как торгового караван-сарая следует из исторической посылки, воспринятой С.А.Плетневой от М.И.Артамонова и заключающейся в том, что "целью сооружения крепости была не охрана границ, так как она стояла почти в центре Хазарии (с.6, ср. с.142)". Мой доклад был посвящен обоснованию противоположного тезиса, а именно что постройка Саркела, единственной в свое время хазарской крепости, была вызвана как раз тем, что в конце 830-х годов этот пункт стал пограничным. Наблюдения С.А.Плетневой, будь они мне доступны раньше, позволили бы полнее объяснить интерес Византии к проекту и ее активное в нем участие. Однако, мне хотелось бы вкратце показать, что лишь контекст длительного венгеро-хазарского конфликта дает объяснение археологических реалий поселений "цимлянского гнезда", т.е. не только Саркела (о котором ниже), но в первую очередь Правобережного Цимлянского городища (ПЦГ).

В недавней публикации С.А.Плетневой ее раскопок ПЦГ дается радикально новая интерпретация памятника (65). Как известно, эта белокаменная крепость рассматривалась в свое время М.И.Артамоновым как "однослойное" укрепление конца VIII в., разрушенное в первой трети IX в. в ходе гражданской войны в Хазарии. С.А.Плетнева же различает на памятнике два средневековых слоя. Первый, несущий обильные следы насильственного захвата и разрушения, атрибутируется ею неукрепленному поселению первой половины IX в., сожженному в третьей четверти того же столетия. Строительство крепости началось лишь 10-15 лет спустя после погрома, т.е. в 80-90-х годах IX в. По данным исследовательницы, постройка осталась незаконченной.

Анализ С.А.Плетневой был подвергнут критике В.С.Флёровым, который в своем общем взгляде на памятник адаптирует с небольшими поправками концепцию М.И.Артамонова. Однако, суть замечаний В.С.Флёрова сводится к тому, что на своем раскопе — более ограниченном по площади и расположенном на другом конце крепости — он всех описанных С.А.Плетневой явлений не наблюдал, что никак не опровергает наблюдений последней. А наблюдения эти, подробно представленные читателю, вполне однозначны. Юго-западная стена крепости проходит по трем сгоревшим жилищам (65, с.280); более того, жилище, погибшее в пожаре, успевает затянуться дерном перед тем, как над ним строится стена (65, с.302). Не

успевают затянуться дерном перед тем, как над ним строится стена (65, с.302). Не буду повторять данные С.А.Плетневой о характере заполнения жилищ слоя пожара и о стратиграфии новых котлованов, что роятся на их месте. Вывод исследовательницы о "двуслойности" памятника кажется на данном этапе наиболее обоснованным, и из него мы и будем исходить.

Остается определить исторический контекст выявленных археологами фактов. Кто же разрушил хазарское поселение на правом берегу Дона? От кого потом понадобилось строить крепость? В предварительной публикации, посвященной ПЦГ, С.А.Плетнева, отвергнув сходу кандидатуру венгров как вассалов кагана, приписала разрушение поселка печенегам. То был якобы их передовой отряд, посланный захватить жен-полонянок (64, с.65). Однако, печенеги исчезают из окончательной публикации (65), и с полным на то основанием. В 50-е годы IX в., когда ПЦГ подверглось разрушению, печенегов на правом берегу Дона никто, надо полагать, в глаза не видел, а идея о постепенно проникающих отрядах никак не согласуется с указанием Константина Багрянородного о единоразовой их переброске (см. выше). Так, в последней работе С.А.Плетневой, враг остается неопределенным.

Мне, конечно, трудно претендовать на непредвзятость, но трудно и избежать впечатления, что перипетии ПЦГ точно отражают основные стадии венгеро-хазарских отношений. В истории его можно выделить следующие этапы:

а) В начале IX в. на правом берегу Дона возникает довольно зажиточное скотоводческое и земледельческое поселение. Расположенное почти в центре Хазарии, оно не было укреплено. С.А.Плетнева показала, и в этом с ней согласен В.С.Флёрв, что поселение пережило, хоть и ненадолго, постройку Саркела, начатую, по нашей датировке, в 840/1 г. (22): жителями ПЦГ широко использовались для подсобных нужд саркельские кирпичи, однако, красноглиняные кувшины с плоскими ручками, хорошо представленные в раннем слое Саркела, на ПЦГ успели получить лишь минимальное распространение. Вряд ли стоит связывать появление на поселении кирпичей с перепланировкой и перестройкой Саркела, как то предлагает С.А.Плетнева. Неопытные саркельские каменщики плодили много брака; неровно проведенную кладку приходилось разбивать, что и позволяло окрестным жителям обзавестись кирпичами. Таким образом, нет оснований датировать разрушение поселения позднее 50-х годов IX в. (ср. 67, с.111), как всегда, с возможной поправкой в несколько лет в ту или другую сторону. Это период наиболее напряженных отношений между венграми и Хазарским каганатом.

б) Лет 10-15 спустя после разгрома по определению С.А.Плетневой (65, с.334), на городище появляются новые жители. За это время трупы погибших истлели до костей, старые котлованы затянулись, ценные железные орудия первопоселенцев, по-видимому, проржавели настолько, что специально не собирались. Так что появились новые поселенцы, вероятно, в конце 860-х годов. Занимались они ловлей рыбы, о чем свидетельствуют отнесенные С.А.Плетневой ко второму слою горы рыбьей чешуи. В отличие от предшественников, их капитальные вложения были невелики: ни скотом, ни посевами они не рисковали. С другой стороны, в отношениях между хазарами и венграми был достигнут определенный *modus vivendi*, отразившийся в женитьбе Леведии на знатной хазарке.

пости. Археологически эти два этапа существования городища не различаются, но в историческом плане их разделить необходимо. Совершенно очевидно, что решение построить на мысу мощную белокаменную крепость не было связано с более чем скромным поселком рыбаков. Столь же очевидно, что рыбозаготовщики не могли продолжать свою деятельность на городище во время строительных работ: разделка и вяление рыбы на пыльной стройплощадке, засыпанной известковой крошкой, отрицательно отразились бы на ее вкусовых качествах. Строители очень скоро вытеснили рыболовецкую артель и, вероятно, заняли оставленные ею юрты³⁸. Я полагаю, что строительство крепости было начато в 870-е годы в связи с вновь возросшим напряжением между хазарами и венграми, после предоставления последними убежища мятежникам-каварам. Была ли крепость достроена — вопрос спорный, но даже если предположить вслед за В.С.Флёровым, что крепостная стена была доведена до конца, фактом остается то, что сама крепость не была отстроена: никаких капитальных построек, как в Саркеле, на ее территории обнаружено не было. По наблюдениям С.А.Плетневой, крепость просуществовала очень недолго, и все археологи сходятся на том, что ПЦГ в целом не выходит за рамки IX в. С.А.Плетнева первоначально объяснила оставление городища тем, что "русы, возможно объединившиеся с ближайшими к месту действия печенегами", просто прогнали строителей (64, с.68). В позднейшей работе она склоняется к идее о взятии крепости штурмом (65, с.282); так же объясняет прекращение функционирования ПЦГ и В.С.Флёров, который, правда, датирует падение крепости на полстолетия раньше³⁹. Реальных признаков захвата крепости и вторичного разгрома поселения, однако, нет. Единственным аргументом С.А.Плетневой является находка клада железных орудий, заложенного в слой строительства и "невыстребованного" владельцем (65, с.282). Но "клад" этот, по-видимому, состоял из старых, попорченных временем инструментов первопоселенцев, собранных кем-то из строителей на городище и припрятанных. Можно вообразить множество причин, которые могли помешать владельцу забрать его из тайника. Итак, крепость, вероятно, была оставлена вскоре после постройки. Но почему?

Ответ на этот вопрос можно найти в изученном С.А.Плетневой материале Саркела. По данным исследовательницы, характер памятника претерпевает разительную перемену в последнем десятилетии IX - первом десятилетии X в. (с.131):

³⁸ В предварительной публикации памятника С.А.Плетнева высказала предположение, что рыбозаготовка стала отхожим промыслом строителей крепости (64, с.68). Мне оно кажется весьма мало вероятным. Количество рыбных отходов показывает, что заготовка рыбы, являвшейся одной из основных статей хазарского экспорта, носила на городище "индустриальный" характер. Промысел этот летний как, в значительной степени, и строительные работы. Таким образом соображения времени и места заставляют заключить о несовместимости обоих занятий.

³⁹ Не могу не указать в этой связи на разительное несообразие в концепции В.С.Флёрова. Автор делает ряд ценных замечаний по архитектуре Правобережной крепости, отмечает ее необычность для каменных крепостей Хазарии и указывает, что все ее необычные архитектурные черты — система башен, укрепление ворот, внутреннее деление крепости на отсеки — находят прямую параллель в Саркеле. Все это дает ему основание "считать излучину Дона центром сложения совершенно новых для Хазарского каганата строительных и фортификационных приемов (66, с.464)". Ни у кого не возникнет сомнения в том, что все указанные фортификационные приемы в Саркеле являются следствием работы византийских архитекторов. По логике же В.С.Флёрова эти черты возникают у хазар на ПЦГ в начале IX в. и затем перенимаются приезжими византийцами при постройке Саркела.

"крепость с караван-сараями превратилась в обычное, но хорошо укрепленное поселение с гарнизоном, обосновавшимся в цитадели (с.153)". Однако, несмотря на присутствие гарнизона в 300 ратников, упомянутого Продолжателем Феофана, перестраивается не только "торговая" часть крепости, но и сама цитадель: казарма и конюшня разбираются, донжон превращается "в жилой и богатый дом (с.154)". Движение караванов по шелковому пути замирает, но значительно интенсифицируется роль Саркела как торгово-ремесленного центра для его округа: многочисленные находки привозной тары свидетельствуют о связях с Таманью и с Крымом, а появление лепной посуды, украшенной "пышным" орнаментом, указывает на непосредственный контакт с кочевниками правобережья Дона (с.154-155). Итак, "развитие ремесел, наряду со все более оживлявшейся внутренней торговлей, является важным признаком переразвития укрепленного поселения в небольшой торгово-ремесленный городок (с.157)".

Этот вполне благоприятный для саркельцев ход событий вписывается в весьма неожиданный, я бы даже сказал парадоксальный, исторический контекст. Находясь, по мнению автора, в центре Хазарского каганата, крепость функционирует в течение первых пятидесяти лет своего существования как укрепленный, оторванный от своего региона перевалочный пункт. А описанную метаморфозу она претерпевает якобы в тот момент, когда ей начинают угрожать проплывающие мимо ладьи с воинами-русами, а главное, после того как печенеги, заняв донские степи, "основательно разоряют ее округу (с.143)" и, в частности, ликвидируют ПЦГ. На мой взгляд, развитие памятника свидетельствует о совсем иной обстановке. Крепость строится в ответ на военную угрозу и сохраняет свой изначальный характер и планировку, покуда на противоположном берегу находится реальный враг — венгры. Это положение резко меняется в последнем десятилетии IX в., после переброски хазарами на запад от Дона побитых ими печенегов, ставших "хазарскими печенегами" по определению персидского географического трактата Худуд ал-Алам. Тогда отпадает нужда в крепости на ПЦГ, тогда же начинает перестраиваться и обживаться Саркел, куда поступает керамика как с востока, так и с запада от Дона. Именно тогда создаются условия для экономического развития региона, о котором свидетельствует саркельский материал первой половины X в. Я знаю, что этот анализ противоречит устоявшейся репутации печенегов как разорителей салтово-маяцкой культуры, но это дурное о них мнение, на мой взгляд, недостаточно обосновано.

Представляя на суд читателя новую оценку "венгерского фактора" в истории Северного Причерноморья, я сознаю, что как и всякое новшество, она нуждается в дополнительной обкатке и неизбежно вызовет критику, в какой-то степени, возможно, и справедливую. Я рад, с другой стороны, что мой анализ уже нашел свое место в обзоре раннесредневековой истории Крыма, совсем недавно опубликованном по-французски А.И.Айбабиным — Aibabine A. La Crimée de l'Antiquité tardive et du haut Moyen Age (milieu du IIIe-IXe s.) // Archéologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époque des grandes invasions, IVe-VIIIe s. Caen, 1997. А.И.Айбабин относит к венграм разрушение Боспорской цитадели, датируя его третьей четвертью IX в. (с.57), но можно, мне кажется, пойти и дальше. С.А.Плетнева прекрасно показала, что разрушение Фанагории на противоположном берегу Керченского пролива современно разгрому перво-

го поселения на ПЦГ (65, с.333). Она, правда, приписывает и этот акт печенегам (Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав, 2, София, 1981, с.15), но это явно исключено. Если еще и можно как-то вообразить, что некий "передовой отряд" печенегов пробился (с севера?) к ПЦГ, то для того, чтобы попасть в Фанагорию, ему пришлось бы пройти с боем через весь Хазарский каганат в самой широкой его части. Разрушители Фанагории пришли, несомненно, из Крыма, и если следовать хронологии С.А.Плетневой, ими могли быть только венгры. Так венгеро-хазарское противостояние в Крыму (см. выше) конкретизируется новыми деталями. Интересно поискать следы вторжения венгров и в приднепровской степи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ed. Gy.Moravcsik. Tr. R.J.H.Jenkins (CFHB 1). Washington, 1967.
2. Theophanes Continuatus. Ed. I.Bekker. Bonn, 1838.
3. Sevchenko I. Re-reading Constantine Porphyrogenitus // Byzantine Diplomacy. Aldershot, 1992.
4. Bury J.B. A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (802-867). London, 1912.
5. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge Massachusetts, 1936.
6. Treadgold W. The Byzantine Revival 780-842. Stanford, 1988.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
8. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. Reimp. Hildesheim, 1961.
9. Boba I. Nomads, Northmen and Slavs: Eastern Europe in the Ninth Century. La Haye-Wiesbaden, 1967.
10. Bartha A. Hungarian Society in the 9th and 10th Centures. Budapest, 1975.
11. Wozniak F.E. Byzantine Policy on the Black Sea or Russian Steppe in the Late 830's // Byzantine Studies / Etudes byzantines. 1975. 2.
12. Ioannes Scylitzes. Synopsis Historiarum. Ed. I.Thurn. Berlin, 1973 (CFHB 5).
13. Georgius Cedrenus, ed. I.Bekker, II. Bonn, 1839.
14. Golden P. The Migration of the Oguz // Archivum Ottomanicum. 1972. 4.
15. Christophilopoulou A. Byzantine History. II: 610-867. Amsterdam, 1993.
16. Moravcsik Gy. Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I. // DOP. 1961. 15.
17. Annales de Saint-Bertin. Ed. F.Grat, J.Vielliard, S.Clémencet, L.Levillain. Paris, 1964.
18. Shepard J. The Rhos guests of Louis the Pious: whence and wherefore? // Early Medieval Europe. 1995. 4.
19. Arrignon J.-P. Remarques sur le titre de kagan attribué aux princes russes d'après les sources occidentales et russes des IXe-XIe s. // ZRVI. 1984. 23.
20. Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus 750-1200. London - New York, 1996.
21. Lounghis T.C. Les ambassades byzantines en Occident depuis la fondation des états barbares jusqu'aux Croisades (407-1096). Athènes, 1980.
22. Zuckerman N. Two Notes on the Early History of the *thema* of Cherson // BMGS. 1997. 21.
23. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
24. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon. Ed. F.Kurze. Hanover, 1890.
25. Györffy Gy. Landnahme, Ansiedlung und Streifzüge der Ungarn // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae 1985. 31.
26. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. II: Commentary. Ed. R.J.H.Jenkins. London, 1962.
27. Varady L. Revision des Ungarn-Image von Konstantinos Porphyrogennetos // BZ. 1989. 82.

28. Deér J. Le problème du chapitre 38 du De Administrando Imperio // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. 1952. 12 (Mélanges H. Grégoire 4).
29. Халикова Е.А. Magna Hungaria // Вопросы истории. 1975. 7.
30. Pritsak O. From the Sábirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh. Budapest, 1976.
31. Fodor I. Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest, 1982.
32. Dienes I. Les Hongrois conquérants. Budapest, 1972.
33. Benko L. Le sedi degli Ungari nel secolo nono // Popoli delle steppe: Unni, Avari, Ungari (Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo). Spoleto, 1988. 35.
34. Ibn Rusteh. Les atours précieux. Tr. G. Wiet. Le Caire, 1955.
35. Lewicki T. Les rites funéraires païens des Slaves occidentaux et des anciens Russes d'après les relations - remontant surtout aux IXe-Xe siècles - des voyageurs et des écrivains arabes // Folia orientalia. 1963. 5.
36. Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881.
37. Golden D.Å. The origins and development of the Hungarians // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge, 1990.
38. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976. 3.
39. Chalikova Ā.Ā., Chalikov Ā.Ī. Altungarn an der Kama und im Ural. Das Grabefeld von Bolshie Tigani. Budapest, 1981.
40. Minorsky V. Hudud al-'Alam. London, 1937.
41. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolien. Ed. H. Dörrie // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. 1956.
42. Иванов В.А. Урало-поволжская часть мадьярского пути на запад // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
43. Левницкий Т. "Мадьяры" у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
44. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Перевод А.П. Ковалевского. Харьков, 1956.
45. Canard I. La relation du voyage d'Ibn Fadlan chez les Bulgars de la Volga. Miscellanea Orientalia. London (Variorum). 1973. XI.
46. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Küe). Göttinger asiatische Forschungen 10. Wiesbaden, 1958. Vol. I.
47. Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
48. Schönebaum H. Zur Kabarenfrage // Aus der byzantinischen Arbeit der DDR I (Berliner byzantinische Arbeiten 5). Berlin, 1957.
49. Kristo Gy. Levedi törzsszövetsegetel Szent Istvan allamaig. Budapest, 1980.
50. Эрдели И. Кабары (кавары) в карпатском бассейне // СА. 1983. 4.
51. Zuckerman N. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB. 1995. 53.
52. Ludwig D. Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. // Рукопись диссертации. Мюнстерский университет, 1982.
53. Pritsak O. Yowar und Kawar // Ural-Altäische Jahrbücher. 36. 1965.
54. Annales ex Annalibus Iuvavensibus antiquis excerpta (=Annales Iuvavenses maximi). Ed. H. Bresslau // Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum, XXX. 2. Leipzig, 1934.
55. Wolfram H. Grenzen mid Räume: Geschichte Österreichs vor seiner Entstehung. Wien, 1995.
56. Das Strategikon des Maurikios. Ed. G.T. Dennis, tr. E. Gamillscheg (CFHB 17). Wien, 1981.
57. Tactique de Léon le Sage. PG 107.
58. Martinez A.F. Gardizi's Two Chapters on the Turks // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2. 1982.
59. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Ed. I. Bekker. Bonn, 1838.
60. Györfy Gy. Système des résidences d'hiver et d'été chez les nomades et les chefs hongrois au Xe siècle. Lisse, 1976.

61. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
62. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
63. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. N.Golb (издание текста и перевод), O.Pritsak (комментарий). Ithaca-London, 1982.
64. Плетнева С.А. История одного хазарского поселения // РА. 1993. 2.
65. Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // МАИЭТ. 1995. Вып. IV.
66. Флёров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987-1988, 1990 гг. // МАИЭТ. 1995. Вып. IV.
67. Флёров В.С. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. 1996. 1.
68. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. Ed. N.Oikonomidès. Paris, 1972.
69. Ajbabin A.I. Gli Alani, i Goti e gli Unni // *Dal mille al mille. Tezori e popoli dal Mar Nero*. Milan, 1995.
70. Пространное житие Константина Философа. Изд. Б.Ст. Ангелова и Хр.Кодова // Климент Охридски. Събрани съчинения. III. София, 1973.
71. Noonan Th.S. Byzantium and the Khazars: a special relationship? // *Byzantine Diplomacy*. London, 1992.
72. Theophanes. *Chronographia*. Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883.
73. Minorsky V. Balitzi - "Lord of the Fishes" // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1960. 56.
74. Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // *Византийская Таврика*. Киев, 1991.
75. Photius. *Epistulae et Amphilochia*. I. Ed. B.Laourdas et L.G.Westerink. Leipzig, 1983.
76. Grumel V., Darrouzès J. *Les registres des actes du patriarcat de Constantinople*. I. 2-3. Paris, 1989.
77. Dagron G. *Le traité de Grégoire de Nicée sur le baptême des Juifs* // *Travaux et Mémoires*. 1991. 11.
78. *Die byzantinischen Kleinchroniken*. I. Ed. P.Schreiner (CFHB 12/1). Wien, 1975.
79. Плетнева С.А. Хазары. М., 1976.
80. Ajbabin A.I. Peceneghi e Polovcy in Crimea // *Dal mille al mille. Tezori e popoli dal Mar Nero*. Milan, 1995.
81. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
82. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л., 1964.
83. Dvornik Fr. *Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance*. Prague, 1933.
84. Moravcsik Gy. *Byzantium and the Magyars*. Budapest-Amsterdam, 1970.
85. *Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum*. Ed. E.Perels, G.Laehr // *Monumenta Germaniae Historica. Epistolae VII*. Berlin, 1928.
86. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
87. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. I. Washington, 1991.
88. Zuckerman C. *The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus* // *Travaux et Mémoires*. 1991. 11.
89. Сорочан С.Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII-IX вв. // *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь, 1995.
90. Mansi J.D. *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. 17A. Réimpr. Graz, 1960.
91. Alekséenko N.A. *Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson* // *REB*. 1996. 54.